

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО POSTSOVIET SPACE

Оригинальная статья/ Original article

Историческая политика и мемориальная культура в Латвии в начале 2020-х гг.

© М.В. КИРЧАНОВ

Кирчанов Максим Валерьевич, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия), maksymkyrchanoff@gmail.com. ORCID: 0000-0003-3819-3103

Проанализирована политика памяти в Латвийской Республике в начале 2020-х гг. Изучены роль и место интеллектуальных сообществ в современной общественной и политической мысли Латвии. Такие сообщества выступают основными пространствами генезиса памяти, а также функционирования мемориальной культуры и коллективной исторической памяти. Новизна исследования заключается в изучении современного этапа в развитии исторической политики латвийского общества в контексте дефицита междисциплинарных исследований, сфокусированных на анализе мемориальных культур постсоветского пространства и выполненных на основе оригинальных источников на латышском языке. Показано, что: 1) интеллектуальное сообщество как один из системных сегментов современного латвийского общества существенно влияет на развитие и трансформацию мемориальной культуры, 2) спектр мемориальных практик латышских интеллектуалов варьируется от исторического ревизионизма до попыток формировать либеральный мемориальный канон, 3) мемориальные практики интеллектуального сообщества взаимосвязаны с развитием гражданского и этнического националистического дискурса, 4) участие интеллектуалов в мемориальной политике увеличивает политическую и идеологическую гетерогенность современного общества, содействуя параллельному развитию различных форм и измерений исторической памяти. Предполагается, что роль гражданского общества в исторической политике современной Латвии будет возрастать, а интеллектуальное сообщество останется активным участником политики коллективной памяти.

Ключевые слова: Латвия, коллективная память, интеллектуалы, историческая политика, войны памяти, культура памяти

Цитирование: Кирчанов М.В. (2023) Историческая политика и мемориальная культура в Латвии в начале 2020-х гг. // Общественные науки и современность. № 3. С. 94–108. DOI: 10.31857/S0869049923030073, EDN: GIKFFM.

Historical Policy and Memorial Culture in Latvia in the Early 2020s

© M. KYRCHANOFF

Maksym W. Kyrchanoff, Voronezh State University (Voronezh, Russia), maksymkyrchanoff@gmail.com. ORCID: 0000-0003-3819-3103

The politics of memory in the Latvian Republic in the early 2020s are analyzed. The role and place of intellectual communities is studied. These communities act as the main spaces of the genesis and functioning of memorial culture and collective historical memory in modern social and political thought in Latvia. The novelty of the study lies in the examination of the current stage in the development of the historical policy of the Latvian society in the context of a lack of original sources-based interdisciplinary works focused on the analysis of the memorial cultures of the post-Soviet space in Russian historiography. It is shown that: 1) as one of the systemic segments of modern Latvian society, the intellectual community significantly contributes to the development and transformation of memorial culture; 2) the range of memorial practices of Latvian intellectuals varies from historical revisionism to attempts to form a liberal memorial canon; 3) memorial practices of modern intellectual community are interconnected with the development of civil and ethnic nationalist discourse; 4) the participation of intellectuals in memorial politics actualizes the political and ideological heterogeneity of modern society, contributing to the parallel development of various forms and dimensions of historical memory. It is assumed that the role of the Latvian civil society in the historical politics of modern Latvia will increase, and the intellectual community will remain an active participant in collective memory policy.

Keywords: Latvia, collective memory, intellectuals, historical politics, wars of memory, culture of memory

Citation: Kyrchanoff M.W. (2023) Historical Policy and Memorial Culture in Latvia in the Early 2020s. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 94–108. DOI: 10.31857/S0869049923030073, EDN: GIKFFM.

Введение

Развитие современных государств как Восточной, так и Западной Европы невозможно представить без активного обращения правящих элит к символическим ресурсам – образам прошлого и национальной исторической памяти. Их используют для консолидации общества в условиях электоральных циклов и внешних вызовов и угроз, а также для легитимации политических элит и правящих групп, которые находятся у власти. Практически все современные европейские страны в большей или меньшей степени формируют историческую политику. Инструментами в данном случае выступают формальные и неформальные институты, которые от лица элит и общества обращаются к прошлому как к эффективному мобилизационному ресурсу.

Современная Прибалтика не стала исключением из этого правила. Страны региона активно занимаются политикой памяти или исторической политикой, направленной на интерпретацию прошлого. Соответственно, формируются и продвигаются образы национальной истории, которые соотносятся как с политическими предпочтениями элит, так и с векторами развития сложившихся национальных идентичностей этих обществ как государств-наций. К таким государствам относится и современная Латвийская Республика.

Политика памяти в странах Балтии различается незначительно: стратегии варьируются в зависимости от идеологической конъюнктуры государств, которая, как правило,

основана на ценностях и принципах национализма. Несмотря на общие черты в политике памяти, исторические манипуляции правящих элит в каждой стране этого региона обладают определенной спецификой и особенностями. Так, латышская историческая политика на современном этапе отличается рядом характеристик, которые существенно влияют на ее развитие при сложившемся в стране политическом режиме.

Статья сконцентрирована на проблемах исторической политики памяти в Латвийской Республике в начале 2020-х гг. Исследование ставит следующие задачи: изучить развитие и функционирование коллективной исторической памяти в современной Латвии через призму тем, которым отдается предпочтение; проанализировать модель восприятия исторического опыта и национальной истории Латвии в контексте сложившейся национальной идентичности; выявить особенности политики памяти в публичных пространствах современной Латвии; спрогнозировать развитие и дальнейшую трансформацию политики памяти в Латвии как в условиях европейской интеграции, так и в рамках модели национального государства.

Анализ политики памяти выступает приоритетной задачей современной российской историографии из-за целого ряда факторов. Во-первых, практически все общества в современном мире проводят политику памяти, в результате чего историки становятся вынужденными свидетелями политизации и идеологизации истории как науки. Во-вторых, обращение к истории и интерпретации стали эффективным мобилизационным и легитимационным ресурсом, что вынуждает научное сообщество реагировать на неакадемические формы ее толкования. В-третьих, историческая политика Латвийской Республики не только актуализирует общие тенденции, присущие манипуляциям прошлым, но и обладает национальными чертами, характерными только для латышских правящих элит, которые стремятся использовать прошлое для решения политических задач.

Как правило, действия по формированию политики памяти находятся в центре исследовательского внимания, однако ученые концентрируются на общих тенденциях и закономерностях исторической политики. Однако ее современная латышская версия менее изучена по сравнению со стратегиями других европейских стран по интерпретации прошлого. Также недостаточно внимания уделяется политически и идеологически мотивированному применению таких стратегий.

Политика памяти: историография и латвийские реалии

Политике памяти посвящен значительный объем литературы. Исследователи анализируют общие проблемы политически и идеологически мотивированной интерпретации истории, а также ее использование для легитимации политических режимов [Kyrchanoff 2022]. В целом, историческую политику воспринимают как проявление кризиса академической историографии, ее неспособности оперативно и эффективно реагировать на общественный запрос на познание истории. При таком восприятии историческую политику квалифицируют как элемент манипулирования, который используют для политической мобилизации [Лескинэн 2021]. Исследования, посвященные политике памяти, неизбежно выводят на передний план проблемы профессиональной этики и корпоративной ответственности исторического сообщества, которое втягивают в манипуляции фактами и интерпретациями событий [Miller 2016]. Данные процессы связаны не с потребностями развития истории как науки, а с ожиданиями правящих политических элит от использования прошлого как символического ресурса.

Анализируя историографию, посвященную политике памяти в Латвии, во внимание следует принимать и то, что манипуляции элит с историей считают одним из элементов

формирования современной политической идентичности [Forchtner 2016]. Кроме этого, в большинстве исследований утверждают, что активная идеологизация и политизация истории, ее последовательная интеграция в функционирование политической культуры содействует кризису исторического знания [Koposov 2017]. Данная тенденция ставит его в зависимость от идеологической и политической конъюнктуры, которая существенно влияет на развитие коллективной памяти.

Мемориальная культура Латвии изучена меньше, чем аналогичные явления и манипуляции в других регионах, из-за лингвистического барьера. Современная политика прошлого Латвийской Республики и дискурс коллективной исторической памяти преимущественно функционируют на латышском языке, что отсекает доступ к ним для значительной части российских историков. Тем не менее, отечественная научная литература рассматривает такие проблемы исторической политики, как виды формирования коллективной памяти [Дюков 2018] и функционирования соответствующей мемориальной культуры [Кирчанов 2019] в контекстах ее национальных особенностей и «войн памяти» [Зверев 2020].

При исследованиях исторической политики Латвии в современной историографии используют несколько интерпретационных моделей. Первая из них – нарративный и дискурсивный анализ [Gensburger, Lefranc 2020], посредством которого преимущественно изучаются тексты, формирующие и актуализирующие различные версии исторической памяти и представлений о прошлом [Keightley 2017].

В рамках такой интерпретационной модели историческая политика редуцируется до нарративов, которые производят и воспроизводят интеллектуалы как участники идеологически и политически мотивированных интерпретаций прошлого. Подобные нарративные стратегии анализа исторической памяти считаются универсальными, так как участники мемориальной политики формируют и предлагают свои представления о прошлом именно в пределах нарративных пространств. К ним можно отнести тексты, предназначенные для относительно массового читателя как потребителя и носителя памяти.

Вторая модель представляет собой визуальные исследования исторической политики, которые рассматривают визуализацию памяти в современных культурных пространствах общества потребления [Pickering, Keightley 2015]. Подобная форма анализа мемориальной культуры позволяет избегать крайностей и ограничений нарративного подхода, связанных с низведением памяти до дискурса. Тем не менее эта стратегия опасна из-за вероятности редукции исторической политики до визуальных проявлений поведения современного общества потребления – несмотря на то, что толкование прошлого этими методами не ограничивается.

Упомянутые модели обладают как сильными, так и слабыми чертами. Вместе с тем, они редуцируют множественные и разнообразные формы манипуляции историей до ее нарративного и визуального выражения в политической повестке правящих элит. Тем не менее описанные выше модусы изучения исторической политики получили определенное развитие в историографии и ставят перед исследователями ряд вопросов о применении «классических» теорий памяти. Последние развивали в своих работах французский философ М. Хольбвакс [Halbwachs 1925], историк П. Нора [Nora 2010] и немецкий культуролог А. Ассманн [Assmann 2010].

Актуальные для 2020–2023 гг. формы исторической политики памяти Латвии невозможно определить как «points de repère» М. Хольбвакса. Он считал «реперные точки» мемориальной культуры факторами консолидации сообщества. Однако в случае современной Латвии пересмотр подобных «точек», относительно четко локализуемых в географических пространствах (памятники, мемориальные доски, названия улиц) стимулирует не консолидацию, но фрагментацию памяти. Анализируемые в данной статье нарративы

санкционированы не социально, а, идеологически. Кроме этого, данные формы политики памяти нельзя описать через призму концепции «lieux de mémoire» П. Нора, так как нарративные конструкции, составляющие парадигму современной мемориальной культуры, локализуемой преимущественно на уровне политического дискурса, больше не соотносятся с реальным монументальным наследием прошлого, от которого современные элиты отказываются.

Мемориальная стратегия Латвийской Республики фактически игнорирует символичность и сакральность «lieux de mémoire», которые в данной статье понимаются как реальные пространства памяти, представленные существовавшими в городских пространствах Риги памятниками. Соответственно, стратегии развития и функционирования мемориальной культуры Латвии нельзя соотнести с идеальными моделями, описанными А. Ассманн. Ее концепция основана на примате диалога и примирения – память функционирует через призму травматического опыта. Однако реалии политики памяти в Латвии [Skultans 2002] указывают скорее на склонность элит к использованию дискурсивного выстраивания памяти. Исходя из сложившейся историографической ситуации, в представленной статье различные подходы синтезируются: в одинаковой степени использованы разные достижения современной междисциплинарной историографии исторической политики.

Особенности политики памяти в Латвии

Анализируя современные формы исторической политики в Латвии, во внимание следует принимать ее уникальные структурные и системные особенности, которые определяют использование истории как политического ресурса в этой балтийской стране.

Во-первых, мемориальная культура в современной Латвии гетерогенна – разнообразна содержательно и тематически. Несмотря на то, что большинство версий памяти консолидируются вокруг различных форм латышского национализма (от политического и гражданского до радикального этнического), агенты коллективной памяти в публичных пространствах воспроизводят различные точки зрения на прошлое.

Во-вторых, мемориальная политика в современной Латвии, как и в других странах, политизирована и подвержена влиянию различных политических идеологий. Одной из самых влиятельных можно считать латышский национализм. Идеологии воздействуют как на векторы и траектории развития исторического воображения, так и на способы отображения истории в публичных и общественных пространствах.

В-третьих, для исторической политики Латвии характерны определенные идеологические ограничения. Данная особенность проявляется, например, в активном использовании и продвижении советских нарративов. Они позволяют актуализировать историческую коллективную травму, полученную Латвией в результате советского периода. Последний в национальной идентичности определяют как «советская оккупация».

В-четвертых, проведение политики памяти в современной Латвии в значительной степени осложнено фрагментацией общества на граждан и «неграждан». Каждая из этих групп выступает носителем разных версий коллективной памяти. Вместе с тем интеграция Латвии в Европейский союз в определенной степени смягчила противоречия между двумя основными сообществами в Латвийской Республике. Латышская коллективная память была включена в более широкие европейские контексты, которые основаны не на этнической, а на политической и гражданской идентичности. Она использует иной механизм функционирования памяти, цель которого – не подчеркивать образы «Самости» и «Другости», а консолидировать общество на основе ценностей гражданской нации.

В-пятых, в современной Латвии формы институционализации исторической политики отличаются от аналогов в Центральной и Восточной Европе. В Латвии отсутствует официально учрежденный Институт исторической памяти. Его функции выполняет Музей оккупации и интеллектуалы, которые активно формируют различные образы коллективной памяти в публичных и общественных пространствах. Вместе с тем, в марте 2023 г. на государственном уровне признали необходимость учредить подобный институт, но эта идея к настоящему времени по-прежнему не воплощена.

Политика памяти как форма политическая реакция элит

Современная историческая политика в Латвии в значительной степени носит релятивистский и реакционный (реагирование на внешние стимулы-раздражители) характер. Данная особенность стала следствием постмодернистской методологии и ее ассимиляции латышскими интеллектуалами, а также зависимости акторов политики памяти от внешней конъюнктуры. Латышский историк Д. Блейере, комментируя сложившуюся ситуацию, подчеркивает, что мемориальная политика других стран «поставила вопрос об отношении СССР к национальным республикам как отношений метрополии и колоний»¹.

В такой ситуации коллективная историческая память становится конструктом, который позволяет преодолеть более ранний травматический опыт коллективной памяти [Assmann 2015]. В нем «нельзя проводить строгие границы между прошлым, настоящим и будущим. Прошлое сформировало нас, и мы формируем будущее нашими принятыми и не принятыми решениями, совершенными и несовершенными делами. Будущее тоже через какое-то время станет прошлым»². Лидеры современной Латвии также переняли понимание истории как социального конструкта. В сложившейся ситуации и политики, и интеллектуалы постепенно отказываются от видения «истории прошлых веков как только фактов прошлого, которые не отягощены дополнительными политическими смыслами, в то время как настоящее конструируется через свободную интерпретацию прошлого» [Акудович, Казакевич 2006, 45].

В исторической политике прошлое используют как символический ресурс для решения насущных политических задач, что наполняет его идеологическими смыслами. Так, публичные выступления президента готовят при участии профессиональных историков. Те, в свою очередь, утверждают, что «история никогда не бывает готовой и законченной... История творится вечно, и не только потому, что всегда есть новые периоды времени, которые нужно исследовать. Она меняется не только потому, что открываются новые факты в более ранние моменты времени, открываются новые предметы и новые исторические свидетельства. Оно изменчиво, потому что каждый из нас, или каждый из вас, историков, прикасается к истории и интерпретирует ее. Каждое новое поколение приходит со своим новым опытом, и взгляд этого поколения на свою историю и свои события накладывает отпечаток на то, как понимается история»³. Подобное понимание прошлого

¹ Laganovskis G. Padoņņu mantojumu varam saskaņāt visai paradoksālos veidos. LV portals. 2023. g. 24. martā. (<https://lvportals.lv/viedokli/350199-padomju-mantojumu-varam-saskatit-visai-paradoksalos-veidos-2023>).

² Grūbe G. Vēsturiskā atmiņa, latvieši un vēsturiskās impērijas. Saruna ar Gati Krūmiņu. Latvijas Radio. g. 28. februāris. (<https://lr1.lsm.lv/lv/raksts/brivibas-bulvaris/vesturiska-atmina-latviesi-un-vesturiskas-imperijas.-saruna-ar-g.a173468/>).

³ Levits E. Latvijas vēstures pētniecība pilnvērtīgi savus uzdevumus varēs pildīt tikai tad, ja valstij beidzot būs 21. gs. atbilstoša vēstures un atmiņu politika un finansējums. LV Portals. 2020. g. 15. septembrī. (<https://lvportals.lv/dienaskartiba/319876-e-levits-latvijas-vestures-petnieciba-pilnvertigi-savus-uzdevumus-vares-pildit-tikai-tad-ja-valstij-beidzot-bus-21-gs-atbilstosa-vestures-un-atminu-politika-un-finansejums-2020>).

в латвийской исторической политике усиливает манипуляции историей в тех обществах, которые активно используют «историческую память в создании общего прошлого и идеи единства, особенно важной для развития политического сообщества» [Brüggemann, Kasekamp 2008, 426].

Восприятие коллективной исторической памяти, которое открыто декларируют латвийские элиты, с одной стороны, в определенной степени имеет революционный характер. Правящие группы, как правило, склонны сохранять представления о прошлом, полагая, что стабильность коллективной памяти гарантирует и устойчивость режима. Политический класс Латвии, в свою очередь, использует пересмотр истории как форму собственной легитимации. С другой стороны, память относится к числу важных мобилизационных и легитимационных ресурсов, что признает и министр культуры Латвийской Республики Н. Пунтулис, подчеркивающий, что «историческая память – важнейшее оружие в борьбе за умы и души людей»⁴. Однако в академическом сообществе не понимают, почему «Латвийское государство не торопится сохранять, возвращать и укреплять свою историческую память в стране и за рубежом»⁵. Подобные точки зрения не только усиливают «противоречия между академическими и политическими мотивациями в изучении прошлого» [Coakley 2004, 533], но и содействуют расширению использования памяти для решения идеологических задач.

Власть как источник конструирования коллективной памяти

В то же время представители власти говорят о важности исторической памяти и декларируют свою заинтересованность в ее сохранении. Так, в 2020 г. президент Латвийской Республики Э. Левитс указывал на важность национальной консолидации, невозможной без «языка, культуры, традиций и объединяющей памяти, так как воспоминания об общей истории образуют особый тип социальной общности – общую судьбу. Ни одно государство не может существовать без своего глубокого исторического осознания, так как исторические события, их интерпретация составляют часть идентичности страны»⁶.

Власти склонны воспринимать прошлое в категориях национальной истории, что автоматически приближает его к политическому мифу. Профессиональные историки, также признавая важность исторической памяти, смотрят на проблему несколько иначе. Позицию академического сообщества в отношении памяти излагал, например, М. Минтаурс. Он подчеркивал, что «история не есть и не может быть прошлым, история – это лишь часть прошлого, о существовании которого мы знаем, потому что оно важно. Историки не только изучают прошлое, но и находят в нем историю, составляя ее образы в соответ-

⁴ Puntulis N. Fašisms un «rašisms» ir viena koka augļi. TV net. 2022. g. 30. maijs. (<https://www.tvnet.lv/7534259/puntulis-fasisms-un-rasisms-ir-viena-koka-augli>).

⁵ Nollendorfs V. Latvijas vēsturiskās atmiņas un demokrātiskās izglītības institūts: ideja un vajadzība. Latvijas Okupācijas Muzejs. 2023. g. 15. marts. (<https://okupacijasmuzejs.lv/lv/aktualitates/latvijas-vesturiskas-atminas-un-demokratiskas-izglitibas-instituts-ideja-un-vajadziba>).

⁶ Levits E. Latvijas vēstures pētniecība pilnvērtīgi savus uzdevumus varēs pildīt tikai tad, ja valstij beidzot būs 21. gs. atbilstoša vēstures un atmiņu politika un finansējums. LV Portals. 2020. g. 15. septembrī. (<https://lvportals.lv/dienaskartiba/319876-e-levits-latvijas-vestures-petnieciba-pilnvertigi-savus-uzdevumus-vares-pildit-tikai-tad-ja-valstij-beidzot-bus-21-gs-atbilstosa-vestures-un-atminu-politika-un-finansejums-2020>).

ствии со своими представлениями и запросом общества»⁷. Более того, ученый полагает, что коллективные представления о прошлом нужно конструировать, так как «историческая память не растет сама по себе на воле, ее необходимо создавать и поддерживать, как и любую часть культуры»⁸.

В данном контексте следует привести заключение американского историка Дж. Фридмана о том, что «история является представлением о прошлом, тесно связанным с выработкой идентичности в настоящий момент» [Friedman 1992, 195]. При таком отношении историческую память интерпретируют почти исключительно в модернистской перспективе, описывая ее как социальный и культурный конструкт. Латышские авторы воспринимают историческую политику как отражение политической культуры и политических процессов, векторы и траектории протекания которых в значительной степени зависят от идеологических предпочтений тех сил, которые формируют представления о прошлом в публичных и общественных пространствах. Например, Д. Блейере указывает на то, что большинство постсоциалистических обществ в большей или меньшей степени подвержены влиянию «коммунистического прошлого»⁹. Соответственно, история в политике памяти становится инструментом политических элит, который используют ее для «укрепления нашей истории в обществе и в мировом сознании, так как этот вопрос является проблемой нашей безопасности. Нравится вам это или нет, но история стала полем битвы. Если мы теряем историю, мы теряем не только страну, но и саму нацию, построенную на общем сюжете истории»¹⁰.

Гражданская идентичность в Латвии: от политики памяти к изобретению традиций

Попытки преодоления мемориального раскола в Латвии проявились в введении новых памятных дней. Они должны одновременно консолидировать гражданскую идентичность и указать на ее исторические основания. Тем не менее, подобные меры не способны полностью нивелировать негативные тенденции. По мнению М. Минтаурса, эта стратегия фактически представляет собой «самый простой способ сохранить историческую память... так как политический календарь является хорошим барометром, показывающим плотность исторической памяти общества, но он зависит не только от количества памятных дней, но и от того, с чем связаны эти формы памяти»¹¹.

Такая стратегия формирования коллективной памяти вынуждает латышских интеллектуалов отбирать факты, которые можно интегрировать в компромиссный мемориальный канон. События, которые не проходят этот отбор, должны быть подвергнуты маргинализа-

⁷ Grūbe G. Mārtiņš Mintauris: Vēsture tiek pārrakstīta, jo citādi skatāmies uz jau zināmām lietām. Latvijas Radio. 2023. g. 21. marts. ([https://lr1.lsm.lv/raksts/brivibas-bulvaris/martins-mintauris-vesture-tiek-parrakstita-jo-citadi-skatamies-uz.a174412/](https://lr1.lsm.lv/raksts/brivibas-bulvaris/martins-mintauris-vesture-tiek-parrakstita-jo-citadi-skatamies-uz-a174412/)).

⁸ Laganovskis G. Spēja “panest” savu vēsturi – nācijas pašcieņas jautājums. LV portals. 2022. g. 01. aprīlī. (<https://lvportals.lv/viedokli/339504-speja-panest-savu-vesturi-nacijas-pascienas-jautajums-2022>).

⁹ Grūbe G. Vēsturniece Daina Bleiere: Praktiskā «desovjetizācija» prasīs vairāk nekā 40 gadu staigāšanu pa tuksnesi. LSM. 2023. g. 9. marts. (<https://www.lsm.lv/raksts/dzive--stils/sarunas/09.03.2023-vesturniece-daina-bleiere-praktiska-desovjetizacija-prasis-vairak-neka-40-gadu-staigasana-pa-tuksnesi.a499999/>).

¹⁰ Nollendorfs V. Latvijas vēsturiskās atmiņas un demokrātiskās izglītības institūts: ideja un vajadzība // Latvijas Okupācijas Muzejs. 2023. g. 15. marts. (<https://okupacijasmuzejs.lv/lv/aktualitates/latvijas-vesturiskas-atminas-un-demokratiskas-izglitibas-instituts-ideja-un-vajadziba>).

¹¹ Laganovskis G. Spēja “panest” savu vēsturi – nācija pašcieņas jautājums. LV portals. 2022. g. 01. aprīlī. (<https://lvportals.lv/viedokli/339504-speja-panest-savu-vesturi-nacijas-pascienas-jautajums-2022>).

ции с санкции общества – потребителя и носителя исторической памяти. Так, Д. Блейере подчеркивает: «Мы 50 лет были в составе Советского Союза, мы были частью этой политической, экономической, социальной системы, и мы многое впитали из этой системы... Сорок лет [после восстановления независимости] закончатся в обозримом будущем, но это советское наследие дает о себе знать по-разному... возможно, проблема в том, что мы часто думаем, что если мы устраним все символические моменты советского пространства – памятники, переименуем улицы – то решим и эту практическую десоветизацию. Но проблема в том, что для его практической десоветизации потребуется более 40 лет хождений туда-сюда по пустыне»¹².

По сути, профессиональное сообщество историков в такой ситуации признает, что создать единую версию исторической памяти невозможно. Таким образом они не только защищают свое право высказывать разные точки зрения, но и признают гетерогенный характер современного социума, в котором группам свойственны разные интерпретации памяти и мемориальные культуры. Например, М. Минтаурс не скрывает скептического отношения к попыткам унифицировать память, сравнивая подобные действия с мифотворчеством¹³. Однако мифы в подобных обществах, подчеркивает он, «не только компонент исторического сознания. Мифы, как и сама историческая наука, в равной степени формируют историческое сознание и национальную традицию» [Маркава 2012, 186].

Тем не менее, в современном обществе Латвии, как и в других странах, «история всегда была важнейшей частью формирования идентичности, гражданского воспитания и конечно же индоктринации» [Касьянов 2009, 24]. Латышские профессиональные историки, которые участвуют в формировании исторической политики в публичных и общественных пространствах, указывают не только на конструируемый характер исторической памяти, но и на невозможность ее менять. Пример подобного процесса представляет собой Латвия, которая с 1990 г. продолжает выстраивать свою мемориальную культуру. Латышский историк Г. Круминьш указывает на пагубность и опасность стагнации представлений о прошлом, полагая, что «время от времени мы переписываем историю... это нормально, и так должно быть, потому что нельзя избежать того, что каждая эпоха предъявляет свои требования... что-то меняется, и мы тоже смотрим на прошлое другими глазами»¹⁴.

«Война памятников» в Латвии в 2022 г.

С конца 2022 г. в Латвии началось активное продвижение политики памяти. 16 июня 2022 г. Сейм Латвии принял закон «О запрещении экспонирования объектов, прославляющих советский и нацистский режим, и их демонтаже на территории Латвийской Республики»¹⁵. В соответствии с ним Совет по памятникам Рижской городской думы предписал демонтировать памятники писателям А. Упитсу, А. Саксе и А.С. Пушкину, а также

¹² Grūbe G. Daina Bleiere: Padomju mantojums dažādos veidos liek par sevi manīt. Latvijas Radio. 2023. g. 7. marts. (<https://lr1.lsm.lv/lv/raksts/brivibas-bulvaris/daina-bleiere-padomju-mantojums-dazados-veidos-liek-par-sevi-man.a173804/>).

¹³ Laganovskis G. Mārtiņš Mintauris: vienotas atmiņas par pagātni nav iespējamās. LV portāls. 2020. g. 15. maijā. (<https://lvportals.lv/viedokli/316157-martins-mintauris-vienotas-atminas-par-pagatni-nav-iespejamas-2020>).

¹⁴ Grūbe G. Vēsturiskā atmiņa, latvieši un vēsturiskā simpērijas. Saruna ar Gati Krūmiņu. Latvijas Radio. 2023. g. 28. februāris. (<https://lr1.lsm.lv/lv/raksts/brivibas-bulvaris/vesturiska-atmina-latviesi-un-vesturiskas-imperijas.-saruna-ar-g.a173468/>).

¹⁵ Par padomju un nacistisko režīmu slavinošu objektu eksponēšanas aizliegumu un to demontāžu Latvijas Republikas teritorijā. Rīgā 2022. gada 22. jūnijā. (<https://likumi.lv/ta/id/333439-par-padomju-un-nacistisko-rezimu-slavinosu-objektu-eksponesanas-aizliegumu-un-to-demontazu-latvijas-republikas-teritorija>).

ученому М. Келдышу. Кроме этого, было решено убрать некоторые мемориальные доски в Риге, например – историку Я. Зутису¹⁶. Представители элит восприняли такую радикальную версию мемориальной политики («война памятников») как проявление десоветизации. Так, президент страны Э. Левитс заявил о том, что Латвия может «собственными силами, если у нас есть соответствующее понимание и воля, избавиться от остатков советской колониальной истории, но освобождение пространства европейской памяти от пропаганды русской истории возможно только вместе с соседними странами»¹⁷.

Примечательно, что в том числе из общественных пространств Риги уберут памятники трем латышам, которые «сотрудничали с коммунистическим режимом» – писателю А. Упитсу, писательнице А. Саксе и историку Я. Зутису. Такая «война с памятниками» в большей степени мотивирована не национальными, а идеологическими мотивами. Комментируя политику памяти, М. Минтаурс подчеркивает, что «неправильно ставить на одну плоскость Упитса, Пушкина и Барклая де Толли, потому что Упитс – классик латышской литературы вне зависимости от его политических убеждений, связь Пушкина с Латвией или Ригой абсолютно минимальна, его статуя в Риге не имеет культурно-исторической основы; Барклай де Толли – это часть истории Прибалтики, в том числе часть истории империи, а значит, и часть истории Латвии»¹⁸. В защиту памятника А. Упитсу выступили деятели латышской культуры, которые напомнили о его вкладе в защиту латышского языка, указав, что идея демонтажа памятника – это попытка «препарирования памяти»¹⁹.

Историк В. Зелче подчеркивает, что решение о демонтаже указывает на важность вопроса о том, «какое место в нашей идентичности занимают Упитс, Саксе или Зутис»²⁰. По мнению исследователя исторической памяти С. Цвийича, в подобных случаях обществу следует прибегать к «деидеологизации истории». Она «имеет важное политическое значение и может использоваться политическими элитами для формирования определенного взгляда на историю как инструмент в создании новых национальных идентичностей» [Cvijic 2008, 713]. Такие же цели преследуют агенты политики памяти в Латвии, но не в рамках деидеологизации, а в рамках идеологического дискурса.

Решение Сейма от 16 июня 2022 г. привело к началу острой фазы «войны памятников» в Латвии, наиболее важным событием которой стал снос мемориала «Памятник воинам Советской Армии – освободителям Латвии и Риги от немецко-фашистских захватчиков» в августе 2022 г. Мэр Риги М. Стакис, комментируя решение о демонтаже монумента, сослался на выводы Музея оккупации, который не признал Монумент памятником²¹, обладающим культурной ценностью. В самом Музее заявили, что не проводили соответствующей экспертизы из-за отсутствия соответствующих полномочий. В результате в авгу-

¹⁶ Laganovskis G. Pieminekļu revīzija – starp kultūras vērtību un karalaika situāciju. LV portals. 2023. g. 27. martā. (<https://lvportals.lv/viedokli/350269-piemineklu-revizija-starp-kulturas-vertibu-un-karalaika-situaciju-2023>).

¹⁷ Levits E. Ja ir griba, varam atbrīvoties no padomju koloniālās vēstures lūžņiem. LV portals. 2023. g. 17. martā. (<https://lvportals.lv/viedokli/349950-ja-ir-griba-varam-atbrivoties-no-padomju-kolonialas-vestures-luznjiem-2023>).

¹⁸ Laganovskis G. Pieminekļu revīzija – starp kultūras vērtību un karalaika situāciju. LV portals. 2023. g. 27. martā. (<https://lvportals.lv/viedokli/350269-piemineklu-revizija-starp-kulturas-vertibu-un-karalaika-situaciju-2023>).

¹⁹ Atklātā vēstule par Andreja Upīša pieminekli. LV portals. 2023. g. 09. martā. (<https://lvportals.lv/dienaskartiba/349728-atklata-vestule-par-andreja-upisa-pieminekli-2023>).

²⁰ Laganovskis G. Pieminekļu revīzija – starp kultūras vērtību un karalaika situāciju. LV portals. 2023. g. 27. martā. (<https://lvportals.lv/viedokli/350269-piemineklu-revizija-starp-kulturas-vertibu-un-karalaika-situaciju-2023>).

²¹ Demidovs V., Līcīte M. Uzvaras parka pieminekli nespridzinās; nojaukšanas tehniku teritorijā i vedīs rīt. Latvijas Sabiedriskie Mediji. 2022. 22. augusts. (<https://www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/uzvaras-parka-pieminekli-nespridzinas-nojaukšanas-tehniku-teritorija-ivedis-rit.a470318/>).

сте 2022 г. в Риге снесли единственный крупный памятник советского периода в городе. Демонтаж монумента в целом вписывался в логику исторической политики, направленной на последовательную десоветизации мемориальной культуры. Примечательно и то, что власти Риги приурочили снос памятника к 23 августа – дню подписания Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом и Дню воинской славы России (годовщина победы в Курской битве).

В рамках такого восприятия коллективной памяти мемориальная культура латышского общества оказывается зависимой не только от политической и идеологической конъюнктуры, но и от исторического ревизионизма. Профессиональные историки и активисты «действительно переписывают историю... Когда мы говорим о переписывании истории, сразу приходят на ум некоторые историки или политики, которые пытаются нам сказать, что на самом деле все произошло не так, как мы привыкли думать... Когда мы говорим о переписывании истории, это имеет негативное значение, но на самом деле история переписывается именно потому, что мы не только узнаем что-то новое, чего не знали предыдущие поколения о своем прошлом, но и потому, что мы иначе смотрим на то, что уже знаем, на то, что было»²². Соответственно, изменения и трансформация коллективной памяти со стороны общества, а также исторический ревизионизм, инициируемый академическим сообществом, выступают системными характеристиками памяти в современном латвийском обществе. Мемориальная культура в нем в одинаковой степени зависима от действий агентов исторической политики и профессиональных историков.

Удаление памятников советского периода из публичных и общественных пространств Латвии свидетельствует о том, что меняются векторы развития исторической политики и функционирования мемориальной культуры. Мемориальность в современной Латвии перестает существовать как совокупность мест памяти. На смену пространственно-географической укорененности памяти приходят преимущественно нарративные формы легитимации современных мемориальных культур и связанные с ними представления о прошлом. В такой ситуации жертвами радикальной исторической политики, которая в 2022 г. обрела формы «войны памятников», становятся не только монументы, которые связаны с советским наследием, но и образы латышских политиков, историков и писателей, которые участвовали в формировании латышской идентичности в советский период. Такая радикализация исторической политики указывает на ее идеологический характер.

Политика памяти: перспективы институционального оформления

Понимая важность сохранения памяти, 13 января 2023 г. президент Латвийской Республики Э. Левитс предложил создать Латвийский институт исторической памяти и демократического образования. Подобная инициатива свидетельствует о том, что историческая память представляет собой многоуровневую информационную систему, «в структуру которой входит не только феномен индивидуальной памяти, но и структуры наиндивидуальной памяти» [Макаров 2014, 8]. Она может включать в себя и институционализованные элементы – такие, как будущий Институт исторической памяти. Предполагается, что деятельность данного учреждения будет направлена на заполнение лакун и пустот в латышской коллективной памяти, так как обществу «пока не удалось найти в публичном

²² Grūbe G. Mārtiņš Mintauris: Vēsture tiek pārrakstīta, jo citādi skatāties uzjauzināmāmlietām. Latvijas Radio. 2023. g. 21. marts. (<https://lr1.lsm.lv/raksts/brivibas-bulvaris/martins-mintauris-vesture-tiek-parrakstita-jo-citadiskatamies-uz.a174412/>).

пространстве общих знаменателей ни для памяти о латышских легионерах, ни для лесных братьев после войны, ни для темы, связанной с коллаборационизмом и сопротивлением»²³.

К настоящему времени данный институт пока не создан, но его появление остается вопросом времени. Нельзя исключать, что он не принесет радикальных изменений в политику памяти Латвии, но сможет повлиять на векторы и траектории ее развития.

Выводы

В начале 2020-х гг. в Латвии подвергся ревизии и пересмотру широкий круг проблем, связанных с функционированием мемориальной культуры. Национальная история, которую современная латышская историческая политика ограничивает XX в., стала основным символическим пространством мемориальных конфронтаций. История XIX в. менее востребована у агентов исторической политики, равно как и опыт домодерновой Латвии.

Таким образом, современные интеллектуалы и другие акторы исторической политики Латвии склонны использовать наиболее политизированные и идеологизированные моменты национального коллективного исторического опыта XX в. Такой подход актуализирует образ истории как травмы, связанной с утратой государственной независимости в 1940 г., «принудительным» вхождением государства в состав Советского Союза и недобровольным пребыванием в нем. В этой ситуации современные латышские интеллектуалы относительно свободно рефлексируют об историческом коллективном опыте XX в., соотнося его интерпретации с различными режимами функционирования памяти, которые включают как актуализацию, так и амнезию – в зависимости от политической конъюнктуры. Данные стратегии стимулируют некоторые из представленных в латышском обществе политических идеологий, в частности, национализм и либерализм.

Национальный исторический опыт Латвийской Республики и опыт советского периода в такой мемориальной культуре будут постоянно противопоставлять и сопоставлять в русле националистических идей и либеральных ценностей западной модели развития. В результате участие интеллектуалов в политике памяти редуцируется до ревизии прошлого. Агенты исторической политики превращаются в источник генерации новых смыслов памяти, которые и формируют ядро национальной мемориальной культуры в Латвии. Таким образом, деятельность латышских интеллектуалов как основных участников мемориальной политики в последние годы отражала общие тенденции европейской политики памяти, которая сводится к активному использованию истории как практико-ориентированного ресурса.

Подобное восприятие памяти фактически сократило мемориальную культуру до уровня одного из символических ресурсов в широком механизме политической культуры и идентичности. Ее применяют для политической мобилизации и легитимации сложившейся модели развития современного латышского общества. Вместе с тем тенденции к большей формализации мемориальной культуры, новая волна «войн памятников» и мемориальной конфронтации, которая началась в Латвии в 2022 г., указывает на важность дальнейшего изучения данной проблематики.

²³ Nollendorfs V. Latvijas vēsturiskās atmiņas un demokrātiskās izglītības institūts: ideja un vajadzība. Latvijas Okupācijas Muzejs. 2023. g. 15. marts. (<https://okupacijasmuzejs.lv/lv/aktualitates/latvijas-vesturiskas-atminas-un-demokratiskas-izglitibas-instituts-ideja-un-vajadziba>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акудовіч А., Казакевіч А. (2006) *Навука і стратэгі і працы з мінулым. Дыскусія ў межах семінара «Сучаснае беларускае мысленне»*, Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАН, 16 сакавіка 2006 года // *Палітычная сфера*. № 6. С. 44–48.
- Дюков А.Р. (2018) *Участие прибалтийских коллаборационистов в блокаде Ленинграда: проблемы правовой квалификации* // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. № 4. С. 108–132.
- Зверев К.А. (2020) *Государственная историческая политика в современной Латвии* // *Проблемы национальной стратегии*. № 1. С. 163 – 177.
- Касьянов Г. (2009) *Голодомор и строительство нации* // *Pro et Contra*. № 3–4. С. 24–42.
- Кирчанов М.В. (2019) *Континуитет и дискретность в современных исторических памятях стран Балтии (мифы политической нации vs мифы политизированной этничности)* // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. № 1. С. 180–218.
- Лескинен М.В. (2021) *Историческая политика и национальная мифология: «постправда» и наука на государственной службе. Новое прошлое*. № 2. С. 66–82.
- Макаров А.И. (2014) *Историческая память: конструкция или реконструкция?* // *Историческая экспертиза*. № 1. С. 4–10.
- Маркава А. (2012) *Гістарычная свядомасць як прадмет самарэфлексіі ў чэшскай істарыяграфіі* // *Беларускі Гістарычны Агляд*. № 19. С. 179–212.
- Assmann A. (2010) *From Collective Violence to a Common Future: Four Models for Dealing with a Traumatic Past* // In: *Conflict, Memory Transfers and the Reshaping of Europe*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing. Pp. 8–23.
- Assmann A. (2015) *Shadows of Trauma: Memory and the Politics of Postwar Identity*. NY: Fordham University Press. 312 p.
- Brüggemann K., Kasekamp A. (2008) *The Politics of History and the “War of Monuments” in Estonia* // *Nationalities Papers*. No. 36. Pp. 425–448.
- Coakley J. (2004) *Mobilizing Past: Nationalist Images of History* // *Nationalism and Ethnic Politics*. No. 10. Pp. 531–560.
- Cvijic S. (2008) *Swinging the Pendulum: World War II History, Politics, National Identity and Difficulties of Reconciliation in Croatia and Serbia* // *Nationalities Papers*. No. 36. Pp. 713–740.
- Forchtner B. (2016) *Lessons from the Past?: Memory, Narrativity and Subjectivity*. L.: Palgrave Macmillan. 340 p.
- Friedman J. (1992) *Myth, History, and Political Identity* // *Cultural Anthropology*. No. 7. Pp. 194–210.
- Gensburger S., Lefranc S. (2020) *Beyond Memory: Can We Really Learn From the Past?* L.: Palgrave Macmillan. 185 p.
- Halbwachs M. (1925) *Les Cadres sociaux de la mémoire*. Paris: Félix Alcan. 299 p.
- Keightley E., Pickering M. (2017) *Memory and the Management of Change: Repossessing the Past*. L.: Palgrave Macmillan. 237 p.
- Koposov N. (2017) *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press. 338 p.
- Kyrchanoff M.W. (2022) *Nationalism and Historical Politics: Western or Eastern European Phenomenon?* // *Российский журнал исследований национализма*. №. 1–2. С. 136–158.
- Miller A. (2016) *Memory Control* // *Russia in Global Affairs*. No. 14, Pp. 120–131.
- Nora P. (2010) *Rethinking France: Les Lieux de mémoire*. Vol. 4: *Histories and Memories*. Chicago: University of Chicago Press. 504 p.
- Pickering M., Keightley E. (2015) *Photography, Music and Memory: Pieces of the Past in Everyday Life*. London: Palgrave Macmillan, 222 p.

Skultans V. (2002) *The Testimony of Lives: Narrative and Memory in Post-Soviet Latvia*. L.: Routledge. 217 p.

REFERENCES

Akudovič A., Kazakievič A. (2006) Navuka i strategii pracy z minulym. Dyskusija ū miežach sieminara «Sučasnjaje bielaruskaje myšliennje», Instytut sacyjalohii, Instytut filozofii NAN, 16 sakavika 2006 hoda [Science and Strategies for Dealing with the Past. Discussion within the Seminar «Modern Belarusian thinking», Institute of Sociology, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences, February 16, 2006]. *Palityčnaja sfera*. no. 6, pp. 44–48.

Assmann A. (2010) From Collective Violence to a Common Future: Four Models for Dealing with a Traumatic Past. In: *Conflict, Memory Transfers and the Reshaping of Europe*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing. Pp. 8–23.

Assmann A. (2015) *Shadows of Trauma: Memory and the Politics of Postwar Identity*. New York: Fordham University Press. 312 p.

Brüggenmann K., Kasekamp A. (2008) The Politics of History and the “War of Monuments” in Estonia. *Nationalities Papers*. no. 36, pp. 425–448.

Coakley J. (2004) Mobilizing Past: Nationalist Images of History. *Nationalism and Ethnic Politics*. no. 10, pp. 531–560.

Cvijic S. (2008) Swinging the Pendulum: World War II History, Politics, National Identity and Difficulties of Reconciliation in Croatia and Serbia. *Nationalities Papers*. no. 36, pp. 713–740.

Dyukov A.R. (2018) Učastiye pribaltiyskikh kollaboratsionistov v blokade Leningrada: problemy pravovoy kvalifikatsii [Participation of Baltic Collaborators in the Siege of Leningrad: Problems of Legal Qualification]. *Zhurnal rossiyskikh i vostочноyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*. no. 4, pp. 108–132.

Forchtner B. (2016) *Lessons from the Past?: Memory, Narrativity and Subjectivity*. London: Palgrave Macmillan. 340 p.

Friedman J. (1992) Myth, History, and Political Identity. *Cultural Anthropology*. no. 7, pp. 194–210.

Gensburger S., Lefranc S. (2020) *Beyond Memory: Can We Really Learn From the Past?* London: Palgrave Macmillan. 185 p.

Halbwachs M. (1925) *Les Cadres sociaux de la mémoire*. Paris: Félix Alcan. 299 p.

Kas’yanov G. (2009) Golodomor i stroitel’stvo natsii [Holodomor and Nation Building]. *Pro et Contra*. no. 3–4, pp. 24–42.

Keightley E., Pickering M. (2017) *Memory and the Management of Change: Repossessing the Past*. London: Palgrave Macmillan. 237 p.

Kirchanov M.V. (2019) Kontinuitet i diskretnost’ v sovremennykh istoricheskikh pamyatyakh stran Baltii (mify politicheskoy natsii vs mify politizirovannoy etnichnosti) [Continuity and Discreteness in Modern Historical Memories of the Baltic Countries (Myths of the Political Nation vs Myths of Politicized Ethnicity)]. *Zhurnal rossiyskikh i vostочноyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*. no. 1, pp. 180–218.

Koposov N. (2017) *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press. 338 p.

Kyrchanoff M.W. (2022) Nationalism and Historical Politics: Western or Eastern European Phenomenon? *Rossiyskiy zhurnal issledovaniy natsionalizma*. no. 1–2, pp. 136–158.

Leskinen M.V. (2021) Istoricheskaya politika i natsional’naya mifologiya: «postpravda» i nauka na gosudarevoy sluzhbe [Historical Politics and National Mythology: «Post-truth» and Science in the State Service]. *Novoye proshloe*. no. 2, pp. 66–82.

Makarov A.I. (2014) Istoricheskaya pamyat': konstruktsiya ili rekonstruktsiya? [Historical Memory: Construction or Reconstruction?]. *Istoricheskaya ekspertiza*. no. 1, pp. 4–10.

Markava A. (2012) Histaryčnaja sviadomasé jak pradmiet samarefleksii ũ češskaj histaryjahrafii [Historical Consciousness as a Subject of Self-reflection in Czech Gistoriography]. *Bielaruski Histaryčny Ahliad*. no. 19, pp. 179–212.

Miller A. (2016) Memory Control. *Russia in Global Affairs*. no. 14, pp. 120–131.

Nora P. (2010) *Rethinking France: Les Lieux de mémoire. Vol. 4: Histories and Memories*. Chicago: University of Chicago Press. 504 p.

Pickering M., Keightley E. (2015) *Photography, Music and Memory: Pieces of the Past in Everyday Life*. London: Palgrave Macmillan. 222 p.

Skultans V. (2002) *The Testimony of Lives: Narrative and memory in post-Soviet Latvia*. London: Routledge. 217 p.

Zverev K.A. (2020) Gosudarstvennaya istoricheskaya politika v sovremennoy Latvii [State Historical Policy in Modern Latvia]. *Problemy natsional'noy strategii*. no. 1, pp. 163–177.

Информация об авторе

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета, Воронежский государственный университет. Адрес: 394000, Россия, г. Воронеж, Университетская пл. 1. E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

About the author

Maksym W. Kyrchanoff, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Faculty of International Relations, Associate Professor, Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Faculty of History, Voronezh State University. Address: 394000, Russia, Voronezh, Universitetskaya sq. 1. E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Статья поступила в редакцию/Received: 09.04.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 26.04.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 06.06.2023